

Едіпом – сліпим і без трону, точніш – паханом, де чатує шакал... [2, с. 37]; За якоюсь із версій ти чемпіон – рингів цар, а за іншою там ... людською, може, в цьому місті ти чи піжон, чи такий, що щось непоправне скоїв [2, с. 84]; Кінчається браток, старий і бородатий, співкамерник лихий, що м'яко нам стелив, кінчається, на жаль, цей нишпорка-вожатий, мій закадишний вік. Обнімемось, старий [2, с. 10].

Отже, в аналізованій збірці поезії міститься комплексна характеристика особливостей міського життя, що розкривається за допомогою різноманітних образних мовних засобів, які, забезпечуючи стилізацію усно-розмовної практики соціуму, розкривають специфіку індивідуально-авторської творчої манери поета.

ЛІТЕРАТУРА

1. Антонченко Т. М. Основні тенденції аксіологічних змін у семантичній структурі американізмів: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / Т. М. Антонченко. – Київ, 2000. – 20 с.
2. Бондаренко С. Кирилиця київських вулиць: вірші / Бондаренко С. – Київ: Ярославів Вал, 2011. – 140 с.
3. Герасим'юк В. “Пов'язаність мовою” / В. Герасим'юк // Бондаренко С. Кирилиця київських вулиць: вірші. – Київ: Ярославів Вал, 2011. – 140 с. – С. 130-133.
4. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг: Соціальна диференціація української мови / Ставицька Л. – Київ: Критика, 2005. – 464 с.
5. Тропина Н. И. Глагол как средство речевого воздействия (в публицистике на международные темы) / [Н. И. Тропина; под ред. Н.В.Вакурова]. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 96 с.
6. Фоменко В. Г. Українська урбаністична проза ХХ століття: еволюція, проблематика, поетика: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук: спец. 10.01.01 “Українська література” / В. Г. Фоменко. – Київ, 2008. – 45 с.
7. Хорольська А. М. Урбаністичний дискурс як відображення урбаністичного простору та урбаністичної спільноти / А. М. Хорольська // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 14 (201). – Ч. II. – С. 155-159.
8. Sobocinski M. Urban Environment, Metropolitan Discourse and Verbal Proxemics: Searching for the Meanings in the City\ A book of abstracts, papers and contributions for discussion edited by ZDZISLAW W4SIK: Consultant Assembly for Discussing the Idea of Urban Discourse in Semiotic Terms // http://www.kmgosvet.iWenc/gumanitemye_nauki/lingvistika/DISKURS.html

УДК 811.161.1:81'36-112:81'365.54

Василий Прохоренков
(Херсон)

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА (ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

У статті аналізуються морфологічні, синтаксичні, валентні властивості вокатива й імперативної форми дієслова, на підставі чого обґрунтовується можливість кваліфікації кличного відмінка як підмета в конструкціях без особового займенника староросійської мови.

Ключові слова: вокатив, імператив, оптатив, форма і значення 2-ої особи, предикативна форма, спонукальна модальність.

The article gives the analyses of the morphological, syntactical, valent features of the vocative and imperative form of the verb, on that basis the opportunity of qualification of the vocative case as a subject in the constructions without personal pronoun in the Old Russian language is proved.

Key words: *vocative, imperative, optative, form and meaning of the 2nd person, predicative form, incentive modality*.

До настоящего времени в языкознании связь между звательным падежом и формой повелительного наклонения, между грамматическим значением лица и формой императива, а также роль повелительного наклонения в формировании конструкций со звательным падежом определяется по-разному.

По замечанию О. Есперсена, звательный падеж тесно связан с повелительным наклонением, “о его значении также можно сказать, что он выражает побуждение” [7, с. 211]. И. А. Бодуэн де Куртенэ в связи звательного падежа с повелительным наклонением усматривал основное его отличие от именительного падежа: “Vocativus является падежом волевым, а Nominativus падеж описательный, падеж рассказа и сообщения” [2, с. 4].

В современных исследованиях подчеркивается функциональная схожесть вокативных и императивных форм: вокатив – именной императив, а императив – глагольный вокатив [8, с. 20-21; 17, с. 3]. По мнению В. С. Храковского и А. П. Володина, повелительное наклонение и вокатив представляют собой функциональную (апеллятивную) целостность, хотя и “выражают разные информации” [15, с. 253].

Цель данной статьи – на основании морфологических, синтаксических, валентных свойств вокатива и императивной формы глагола обосновать возможность квалификации звательного падежа как подлежащего в конструкциях без личного местоимения старорусского языка.

Традиционная историческая грамматика как односоставные предложения квалифицирует конструкции с глаголом в повелительном наклонении без личного местоимения в позиции подлежащего, так как понятие односоставности не общесмысловое, а грамматическое и зависит от того, насколько конкретная структура предложения отвечает структурному минимуму, по которому построено предложение [6, с. 361].

Р. О. Якобсон утверждает, что к глаголу в повелительном наклонении вообще нельзя примыслить подлежащее; повелительное наклонение нельзя рассматривать синтаксически как предикативную форму, так как предложение с глаголом в повелительном наклонении, подобно обращению, является полным и одновременно неразложимым вокативным предложением [16, с. 217].

Вместе с тем Д. А. Парамонов называет несогласованным предикат в форме императива, так как он примыкает к подлежащему [11, с. 80]. А Г. Н. Ключов звательный падеж при императиве в русском языке рассматривает как двойной член предложения: полуподлежащее – полуобращение [8, с. 30].

Кроме этого, отдельными исследователями отрицается наличие морфологического оформления у глаголов в повелительном наклонении. Так, по мнению Р. О. Якобсона, апеллирующего к хорошо известной тенденции сводить звательный падеж к чистой основе, с точки зрения синхронии беспризнаковая форма 2-го лица повелительного наклонения представляет собой основу настоящего времени без грамматического окончания [16, с. 215-217]. “Русская грамматика объясняла повелительное наклонение, так сказать, метафорически: его элементы и их функции формально противопоставлялись на основании частичного внешнего сходства с элементами и функциями других форм” [там же, с. 219].

Такая точка зрения высказывалась и раньше, например, Ф. И. Буслаевым в отношении отсутствия у повелительного наклонения грамматического показателя лица [4, с. 178, 268]. Вопрос о наличии формального показателя повелительного наклонения, о статусе форманта – *и* в связи с общим вопросом возникновения в славянском языке форм повелительного наклонения был в центре внимания компаративистики. Анализ этого вопроса в работах А. Шлейхера и Н. П. Некрасова в свое время был дан А. А. Потебней [12, с. 206 и след.].

По нашему мнению, при определении грамматической категории и формы на определенном историческом срезе важны не категории общего и частного, а категории и формы исторически предшествующие и последующие.

Необходимо заметить, что с явлением синкретизма в падежной системе многих индоевропейских языков пересекается и тенденция к сокращению “специальных форм, выражающих модальные оттенки” [9, с. 321]. Праславянский язык совершенно не сохранил индоевропейских окончаний повелительного наклонения, в нем, как замечает А. Мейе, индоевропейское повелительное наклонение исчезло [10, с. 245]. Р. Бошкович к праславянским морфологическим особенностям относит утрату не только повелительного, но и других индоевропейских наклонений [3, с. 31].

Сравнительно-историческим языкознанием установлено, что славянское повелительное наклонение возникло на базе форм индоевропейского опатива, имевшего сослагательно-желательное значение [12, с. 220; 3, с. 31].

Можно предположить, что на поздних этапах развития индоевропейского праязыка побудительная модальность не получила специальных формальных признаков в структуре глагола, в том числе и для 2-го лица. Тогда как формы опатива, которые выражали модальность желания, возникнув в результате развития этой модальности, имели в индоевропейском языке свою собственную глагольную основу [6, с. 342-343]. То есть в ранний праславянский период были утрачены индоевропейские формы императива, и для выражения волеизъявления стали употребляться и другие формы, в том числе и формы изъявительного наклонения, и формы опатива [там же, с. 346].

В процессе развития праславянского языка формы опатива принимают на себя функции выражения побудительной модальности, преобразуясь в новые формы императива. И только в период распада праславянского языка происходит разрушение и этих форм, что привело к употреблению в древнерусском языке во множественном числе окончаний настоящего времени (с сохранением темы повелительного наклонения), а во 2-ом лице единственного числа – специфической формы.

Подробный анализ квалификации специфической формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения как “абсолютно-личной формы глагола”, ее связи со звательным падежом в работах лингвистов конца XIX – нач. XX вв. находим у В. В. Виноградова [5, с. 470, 590-592]. Сам ученый, исходя из своего понимания личных местоимений как “личных префиксов” глагола [там же, с. 455], считал, что значение 2-го лица ед. числа в форме повелительного наклонения определяется, кроме интонации, отсутствием указания на иное действующее лицо [там же, с. 592], а само значение 2-го лица завуалировано [там же, с. 591].

Вместе с тем А. А. Потебня замечал: “...утверждение, что *веди* и т.п. не означают лица, – неверно. Звуковая потеря сама по себе не влечет еще за собой потери формы как грамматической категории... Так и в *веди* и т.п. личное окончание, без сомнения, стерлось, но из этого не следует, чтобы это сочетание вовсе не имело отношения к лицу, чтобы для современного языка было безразлично, какое именно окончание фонетически (подчеркнуто нами – В.П.) исчезло в *веди*” [12, с. 216].

По определению О.Есперсена, повелительное наклонение всегда, по существу, стоит во втором лице, даже форма 1-го лица мн. числа, по его мнению, имеет значение “дай ты, и я тоже дам” [7, с. 249]. “В собственно повелительном 2-е лицо единственного числа = в повелении конкретному 2-му лицу, которое может быть обозначено или обозначалось звательным падежом” [12, с. 217].

Таким образом, форма 2-го лица повелительного наклонения соотносит реальное содержание с определенной грамматической категорией, и в таком случае не является просто темой (корнем), а является формой со своими отличительными особенностями, что свидетельствует о высоком формальном уровне развития языка. По мнению авторов академической сопоставительной грамматики русского и украинского языков, категория лица также выражается формами повелительного наклонения [14, с. 364], а форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения образуется в результате добавления окончаний: *и* или нулевого окончания [там же, с. 381].

Как замечают И. П. Распопов и А. М. Ломов, конструкции типа *Приходи ко мне вечером*, по сути, ничем не отличаются от соответствующего двусоставного предложения,

кроме формальной невыраженности подлежащего, но которое легко восстанавливается благодаря тому, что его реальное значение и конструктивная позиция предварительно определена формой глагола-сказуемого [13, с. 231-232].

В связи с этим компоненты элементарного простого предложения, опосредованного семантико-синтаксической валентностью предиката, в формально-синтаксическом плане определяем на основании следующих признаков:

- 1) формальное проявление предикативной связи: *Алимпияда... таино рече к нему: "Предаи, Нектонаве, своему от своих си"* (Алексан., 30). Фундаментальная предикативная связь проявляется в координации имени в звательном падеже и глагола в форме числа. Яркий пример формальной "реакции" глагольной формы на то, что собой представляет подлежащее, находим в формах двойственного числа глагола: *...радуитася Борисе и Глѣбе* (СлРЯ, в-2, 93). Ср. возможность координации главных членов в конструкциях типа: *У вас дети есть*;
- 2) морфологическая форма главных членов предложения: глагол в повелительном наклонении как структурно необходимый компонент предложения замещает синтаксическую позицию сказуемого, своей формой указывая на 2-е лицо; позицию подлежащего замещает форма звательного падежа, в которой значение 2-го лица реализуется семантически;
- 3) синтаксические особенности объединения признаков слов с именем существительным в звательном падеже и глаголом: *Поганый сыне темнаго дѣмона Бахмѣтъя, отступи от земли сея...* (Ист. сиб., 558). И имя, и глагол своими грамматическими особенностями детерминируют возможность появления признаков слов в позиции определения и обстоятельства. Данную особенность В. А. Богородицкий считал одним из признаков падежного характера вокатива [1, с. 14-17];
- 4) роль предиката-сказуемого: глагол своей семантико-синтаксической валентностью открывает позиции для других компонентов в структуре предложения, в частности, в формально-синтаксическом плане для подлежащего, которую замещает имя в звательном падеже.

Таким образом, комплекс морфологических, синтаксических и валентных характеристик звательного падежа и глагола характеризует роль имени в звательном падеже в конструкциях без личного местоимения как первичную в формально-синтаксическом плане функцию подлежащего.

Такие конструкции широко употреблялись на протяжении всего периода функционирования старорусского языка. Характерны они были для памятников различного жанрово-стилистического содержания: а) житийного: *...отрок...глаголя: "Не дѣй мене, мати моя, да не по нужи прислушаюся тобѣ"* (Ж. Серг., 286); б) повествовательного: *Царица же святителю поклонися... и глаголеть ему: "Сотвори мя, честный отче, христиану..."* (Пов. о женит., 13); в) публицистического: *Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в безчестье...преложити* (Посл. В. Рьло, 526); г) эпистолярно-полемиического: *Не преступай, црю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды...* (СлРЯ, в-1, 261); дидактического: *Повинуйся, чадо, отцу духовному...* (Дом., 160).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В.А. Очерки по языкознанию и русскому языку / В. А. Богородицкий. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Учпедгиз, 1939. – 223 с.
2. Бодуэнь де Куртенэ И. Лингвистические заметки и афоризмы / И. Бодуэнь де Куртенэ // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. СССXXXVII. – 1903. – Май. – СПб: Сенатская типография, 1903. – С. 1-37.
3. Бошквич Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков / Р. Бошквич. – М.: Высшая школа, 1984. – 304 с.

4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 626 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
6. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука. – К.: Наукова думка, 1966. – 596 с.
7. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – Пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.
8. Клюсов Г.Н. О разработке проблематики обращения / Г. Н. Клюсов // Русский язык. – Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 1981. – С. 5-36.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе. – Пер. с фран. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 491 с.
11. Парамонов Д.А. Модальное значение несогласованных предикатов в современном русском языке / Д. А. Парамонов // Вестник Омского ун-та. – 1999. – Вып. 1. – С. 80-83.
12. Потетьня А.А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потетьня. – М.: Просвещение, 1977. – Т.IV. – Вып. 2.: Глагол. – 406 с.
13. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис / И. П. Распопов, А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 351 с.
14. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Отв. ред. Н. Г. Озерова. – К.: Наукова думка, 2003. – 534 с.
15. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин / Отв. ред. В. Б.Касевич. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
16. Якобсон Р.О. О структуре русского глагола / Р. О. Якобсон // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 210-221.
17. Svobodová J. Syntaktická charakteristika imperativu a vokativu v českých vyzvových větach / J. Svobodová. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1987. – 103 s.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Алексан.** - Александрия / Подг. тек., перев. и ком. Е.И.Ванеевой // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 22-172.
- Дом.** - Домострой / Подг. тек., перев. и ком. В.В.Колесова // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 70-172.
- Ж. Серг.** - Житие Сергия Радонежского / Подг. тек. и ком. Д.М.Буланина, перев. М.Ф.Антоновой и Д.М.Буланина // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 256-428.
- Ист. сиб.** - Семен Ульянович Ремезов. История Сибирская / Подг. тек. и ком. В.Н.Алексеева и Е.И.Дергачевой-Скоп // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн.2. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 550-574.
- Пов. о женит.** - Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне / Подг. тек., и ком. С.К.Росовецкого // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн.2. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 5-15.
- Посл. В. Рыло** - Послание на Угру Вассиана Рыло / Подг. тек. Е.И.Ванеевой, перев. О.П.Лихачевой, ком. Я.С.Лурье // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 522-536.
- СлРЯ** - Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975-1991. – Вып. 1-17.